

Алексей
Константинович
Толстой

(1817–1875)

«Средь шумного бала...»

«Остаётся истинное, вечное, абсолютное, не зависящее ни от какого столетия, ни от какого веяния, ни от каких мод, – и вот этому-то я всецело отдаюсь. Да здравствует абсолютное, т.е. да здравствует человечность и поэзия!»

(А.К. Толстой)

ВСТУПЛЕНИЕ

Друзья мои! Сегодня мы отмечаем день рождения нашего замечательного писателя, поэта, жизнь которого неразрывно связана с брянской землёй. А родился он 5 сентября в 1817 году.

Но сначала давайте на несколько минут на машине времени вернёмся примерно в 1827–1828 годы. Блистательный Санкт-Петербург, Зимний императорский дворец... В его длинных царственных коридорах слышен весёлый заразительный мальчишеский смех... И вот из-за поворота появляется нечто необычное – не по годам рослый и плечистый мальчуган бежит здесь вприпрыжку, а на плечах у него – другой, который поменьше и слабее...

Пройдут годы, и тот, кто носил этого мальчика-цесаревича и был его товарищем для игр станет, знаменитым русским писателем – Алексеем Толстым, а тот, кто сидел у него на плечах, превратится в императора Александра II...

Алексей Константинович оставался участником игр цесаревича и в Зимнем дворце, и в Царском Селе, и на Елагином острове. Дружба Толстого и Александра II продолжалась всю жизнь.

Действительно, Алексей Толстой обладал замечательной силой: в детстве бегал по коридорам Зимнего дворца с цесаревичем на плечах; взрослым поднимал одной рукой человека, ломал палки о мускулы своей руки, скручивал винтом кочергу и серебряные вилки.

Впрочем, моё сегодняшнее повествование будет посвящено не его физической, а литературной силе, его великому писательскому таланту.

Кстати, мы с вами можем гордиться тем, что именно два наших великих соотечественника, неразрывно связанных с брянской землёй – Ф.И. Тютчев и А.К. Толстой, создали самые известные стихотворения о любви, которые впоследствии стали прекрасными романсами-шедеврами: «Я встретил вас» и «Средь шумного бала, случайно».

Примечание: далее для удобства я иногда буду называть героя моего сегодняшнего повествования сокращённо – А.К.Т.

МОИ ВСТРЕЧИ С А.К. ТОЛСТЫМ

...Кто-то скажет: ну как вы могли встречаться с А.К. Толстым, ведь он умер ещё 10 октября 1875 года – то есть ровно 150 лет назад?!

Так вот, представьте себе – встречаюсь почти ежедневно: ведь я первый аттестованный гид в городе Брянске! Проводя по несколько раз в неделю экскурсии по родному городу, я рассказываю о нём и возле прекрасного драматического театра имени А.К. Толстого, и на входе в наш любимый городской парк его же имени, а также, естественно, в самом парке у бюста нашего великого писателя! И ещё, конечно, по дороге в его родовое имение – Музей-усадьбу Красный Рог, где в фамильном склепе он и покоится навеки...

А знаете ли вы, какая детективная история связана с присвоением нашему городскому парку имени этого замечательного человека?

Так вот: в 1960 году в парке был установлен первый в России бронзовый бюст писателя, графа А.К. Толстого; (переустановлен в 2008-м), а 16 августа 1967 года в связи со 150-летием Алексея Толстого парку было официально присвоено имя нашего выдающегося земляка.

Правда, удалось это далеко не сразу. Директор парка, легендарный поэт-фронтовик Валентин Динабургский не раз ходил в тогдашний Брянский обком КПСС с этим предложением, но всякий раз получал отказ от местных партийных чиновников примерно с такой формулировкой: «Да что вы!

А.К. Толстой – он же граф, дворянин! Как же можно назвать советский парк его именем?!»

Как мне рассказывал сам Валентин Давыдович, это удалось ему сделать только после того, как он попал на личный приём к тогдашнему министру культуры СССР Екатерине Фурцевой. До этого вопрос в Брянске не решался. Но стоило всесильному министру снять трубку телефона и отдать необходимые указания, как чиновничья машина тут же завертелась...

И вот пока директор парка ехал обратно из Министерства культуры СССР на ночном поезде Москва–Брянск (а дневных двухэтажных тогда и в помине не было), уже было принято решение «в верхах» о присвоении любимому брянскому городскому парку имени нашего классика.

Кстати, осенью того же года из-за интриг в советском правительстве Фурцева ушла из жизни. Таким образом, в брянском парке-музее имени А.К. Толстого воплотилось не только имя известного русского писателя, но и подвижнический труд Валентина Динабургского, и благосклонность и отзывчивость Екатерины Фурцевой. Однако об этом мало кому известно...

КТО ЖЕ САМЫЙ ЛУЧШИЙ – Л.Н., А.Н. ИЛИ А.К.?

Мне всегда было немного обидно за Алексея Константиновича Толстого: к великому нашему земляку Федору Тютчеву всё-таки относятся с большим пиететом... Если Толстого называют обычно замечательным, то Тютчева – великим. Ему больше похвал, больше конференций и вечеров в его честь, больше туристических групп едут к Фёдору Ивановичу в Овстуг и меньше к А.К.Т. в Красный Рог...

Когда мне задают вопрос: «А кто самый великий из трёх Толстых?» – я отвечаю вопросом на вопрос: «А кто более великий – Пушкин или Лермонтов, Есенин или Маяковский?» Всё это очень и очень относительно. Причём, уверяю вас, в зависимости от предпочтений нашего личного вкуса никто из них не станет менее великим...

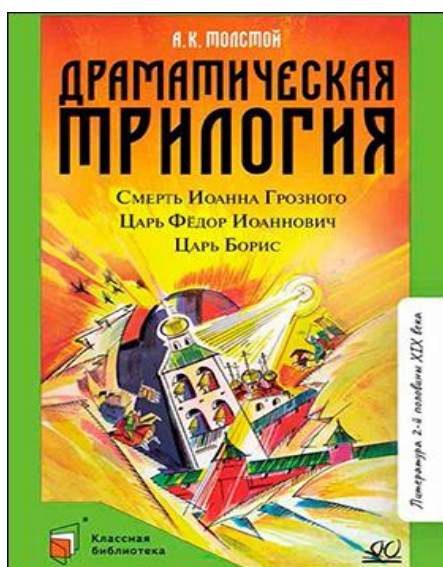
А вы знаете, каково главное отличие нашего А.К. от Л.Н. и А.Н. Толстых? Если два последних, по сути, были чисто прозаиками – то есть писали в основном романы, повести и рассказы, то наш сегодняшний герой знаменит сразу во многих литературных жанрах.

1. В прозе, где им был создан знаменитый исторический роман «Князь Серебряный» об эпохе царя Ивана Грозного, кстати, А.К.Т. считают и родоначальником жанра русской мистики в XIX веке (новеллы «Упырь», «Семья вурдалака»).

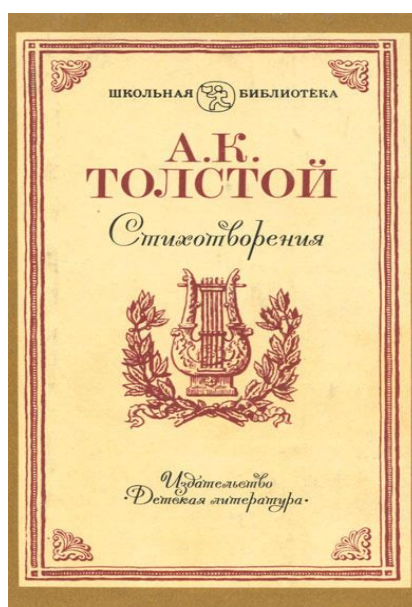

2. Второе направление – драматургия, где им были созданы, как вершина драматических произведений XIX века, трилогия «Смерть Иоанна Грозного», «Царь Фёдор Иоаннович» и «Царь Борис».

Особо следует отметить, что в историю более всего вошла вторая часть трилогии – «Царь Федор Иоаннович». С этой постановки (а вовсе не с чеховской «Чайки», как принято считать) началась история Художественного театра (МХАТа), а в 1970-е на сцене Малого в роли царя Федора блистательно играл Иннокентий Смоктуновский, и это тоже было громкое событие в театральном мире. В своих драмах А.К. Толстой часто сталкивал человеческое и политическое. Вечный конфликт!

3. И, конечно же, лирические стихотворения, баллады и поэмы, которые мы и сегодня читаем с истинным наслаждением.

Для примера напомню, что многие его стихотворения – это вершина поэзии XIX века, в том числе:

«Средь шумного бала, случайно...» (1851)
«Коль любить, так без рассудку...» (1850–1851)
«Ты не спрашивай, не распытывай...» (1851)
«Меня во мраке и в пыли...» (1851–1852)
«Не ветер, вея с высоты...» (1851–1852?)
«На нивы жёлтые нисходит тишина...» (1860)
«Двух станов не боец...» (1867)
«Обнявшись дружно, сидели...» (1868)
«То было раннею весной...» (1871)

Толстой знал и любил народные русские песни: фольклорные мотивы звучат в его стихотворении «Кабы знала я, кабы ведала» о тоске девушки по молодцу. Любовная лирика в его творчестве перекликается со стихами о природе, о любви ко всему живому:

*Край ты мой, родимый край!
Конский бег на воле,
В небе крик орлиных стай,
Волчий голос в поле!
Гой ты, родина моя!
Гой ты, бор дремучий!
Свист полночный соловья,
Ветер, степь да тучи!*

Кажется, главное достоинство поэзии Толстого – простота, доступность языка. Полнокровный, прекрасный поэт. Стих у него почти всегда льется легко – без натуги и как будто без лишних умствований:

*Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж сплеча!
Коли спорить, так уж смело,
Коль карать, так уж за дело,
Коль простить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!*

4. И, наконец, нельзя забыть А.К. Толстого как непревзойдённого сатирика, достаточно вспомнить незабвенного Козьму Пруткова (в соавторстве с братьями Жемчужниковыми).

ОТКУДА ЖЕ РОДОМ КОЗЬМА ПРУТКОВ?

Кстати, с этим самым Козьмой у меня связаны два туристических случая: во время очередной экскурсии по парку имени А.К. Толстого я

обычно подвожу группу к деревянной прутковской скульптуре, рассказываю здесь, что это вымышленный образ, созданный моим сегодняшним героем, то есть литературная мистификация. И вдруг из группы туристов выходит дородная женщина и заявляет дословно следующее: «Как это вымышленный персонаж?! Нет, вы совершенно неправы! Ведь у нас в Архангельске в центре города перед зданием местного литературного музея стоит ему памятник!!! Значит, был такой писатель!»

На эту тираду мне пришлось ответить спокойным тоном примерно следующее: «Я очень рад за Архангельск в том плане, что творчество нашего Толстого дошло и до вашего далекого северного города! Кстати, у нас на Руси есть и другие памятники всевозможным литературным героям: Шерлоку Холмсу, Остапу Бендеру, даме с собачкой и многим другим! Но это совершенно не отменяет неоспоримый факт того, что Козьма Прутков – это всё же литературная мистификация».

Вы бы видели удивлённое лицо этой северной дамы. Прошло около года, и вновь на моём экскурсионном пути возникла группа из всё того же Архангельска, и снова история как под копирку повторилась: и следующие архангелогородцы были страшно удивлены и расстроены тем, что Козьма Прутков не их писатель-земляк...

Так вот, этот самый Прутков «прожил» 12 лет...

Потом в журнале «Современник» вышел некролог, в котором говорилось, что писатель скончался на своем рабочем месте от инсульта.

Несмотря на столь недолгую жизнь, его афоризмы стали крылатыми и воспринимались многими как народная мудрость:

«Зри в корень»

«Если хочешь быть счастливым, будь им».

«Бди!»

«Лучше скажи мало, да хорошо».

«Никто не обнимет необъятного».

«Если у тебя есть фонтан, заткни его; дай отдохнуть и фонтану».

Вообще говоря, как сатирик наш Толстой остался, пожалуй, непревзойдённым!

Написанная им больше ста тридцати лет назад «История государства Российского от Гостомысла до Тимашева» и до сих пор очень актуальна:

*Послушайте, ребята,
Что вам расскажет дед.
Земля наша богата,
Порядка в ней лишь нет.
А эту правду, детки,
За тысячу уж лет
Смекнули наши предки:
Порядка-де, вишь, нет.*

Это очень большое стихотворение может служить образцом глубокого понимания истории, хотя изложена она с изрядной долей юмора, а местами чувствуется и едкая сатира.

Кроме того, можно вспомнить и его блестящий сатирический «Сон Попова»...

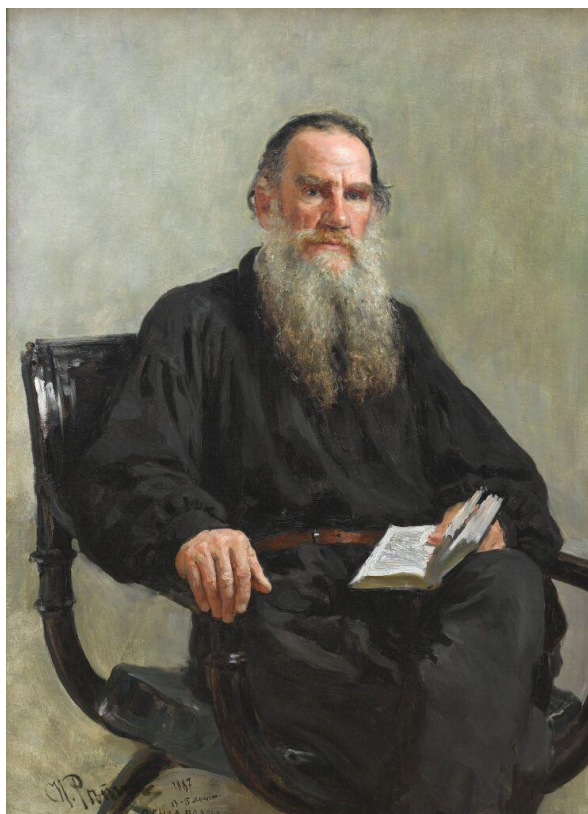
СЛУЧАЙ С КАЗАНЦАМИ

Самых известных писателей Толстых – трое, если считать «среднеизвестных», тех, кто печатался хорошими тиражами, – шесть. А вообще знатоки насчитывают целых шестнадцать писателей Толстых – это те, кто хоть немного занимался литературством.

Например, сыновья Льва Николаевича Толстого, тоже, естественно, Толстые, вполне себе были писателями, по крайней мере, «пробовали перо».

Теперь о родстве. Вот трое самых известных Толстых:

1. Лев Николаевич Толстой (1828–1910), величайший классик, автор «Войны и мира» и «Анны Карениной». У него сейчас не меньше трехсот прямых потомков, которые регулярно собираются в Ясной Поляне почтить память великого предка.

2. Алексей Константинович Толстой (1817–1875) – автор «Князя Серебряного», а еще прекрасных драматических и лирических произведений. Он был троюродным братом Льва Николаевича, и его часто путают с другим Алексеем Толстым, жившим в XX веке.

3. Алексей Николаевич Толстой (1883–1945) – тоже граф, хотя этот титул спорный, но зато он владелец прозвища «Красный граф» за дружбу с советской властью. Тиражи его книг намного превышают даже тиражи Льва

Толстого, ведь «Буратино» был в каждой семье, а «Аэлиту» и «Гиперболоид инженера Гарина» читали с большей охотой, чем «Анну Каренину». Ну и, конечно, в обязательной школьной программе есть его исторический роман «Пётр I».

А родство «Красного графа» с графом Львом Толстым очень дальнее, хотя общие корни у них есть. Алексей Николаевич Толстой приходится в четвертом поколении внучатым племянником Льву Николаевичу Толстому, при том, что они, в общем-то, современники.

Интересно, что нашего Толстого очень часто путают с его однофамильцами-писателями.

В этой связи мне вспоминаются многочисленные случаи на моих экскурсиях в нашем городском парке его имени.

Всегда с тайным трепетом подвожу туристов к бюсту А.К. Толстого и без особого оптимизма спрашиваю: «А помните ли вы, что же написал именно наш брянский Толстой?».

Примерно 90% чистосердечно признаются в том, что не помнят. Некоторые пытаются что-то всё-таки назвать, но почти всегда ошибаются...

Особенно мне запомнилась такая интернациональная семья из Казани – муж и жена, его звали Борис, а супругу он ласково называл Зуля, т.е. Зульфия. Так вот этот Борис изо всех сил старался около бюста нашего классика продемонстрировать свои абсолютные знания в сфере литературы, поэтому, даже не дожидаясь моего вопроса, что сочинил наш А.К.Т., произнёс: «Ну как же, загибайте пальцы – я назову сразу пять его произведений: «Пётр первый» – его же в школе изучают; дальше роман о гражданской войне «Хождение по мукам»; конечно же, фантастика – «Аэлита» и «Гиперболоид инженера Гарина»; и само собой, «Буратино, или

Золотой ключик»! То есть, сразу, как из пулемёта, прострочил пять толстовских произведений!

Мне осталось только похвалить этого несколько самонадеянного знатока: «Какой Вы, Борис, молодец, просто настоящий эрудит! Есть, правда, только одно но: всё, что вы перечислили, создал другой Толстой – Алексей Николаевич...»

О, вы бы видели лицо казанского Бориса! Он стоял как в воду опущенный и никак не мог смириться со своей литературной ошибкой...

СТРОКИ ИЗ БИОГРАФИИ А.К. ТОЛСТОГО

ТОВАРИЩ ДЛЯ ИГР ЦЕСАРЕВИЧА АЛЕКСАНДРА

Граф Алексей Толстой родился в Санкт-Петербурге 5 сентября 1817 года. Его отец Константин Толстой служил советником в Государственном ассигнационном банке. Он происходил из старинного дворянского рода: его родным братом был художник Федор Толстой, а дальним родственником – писатель Лев Толстой.

Мать будущего писателя, Анна Перовская, была внебрачной дочерью государственного деятеля – генерал-фельдмаршала Алексея Разумовского. Брак Толстых распался, когда их сыну едва исполнилось полтора месяца. Анна Толстая покинула мужа и уехала в имение в Черниговской губернии. В поездке ее сопровождал брат Алексей Перовский – писатель, известный под псевдонимом Антоний Погорельский.

Все детство Толстого прошло в Малороссии – в селе Погорельцы тогдашней Черниговской губернии, а позже в селе Красный Рог (ныне Брянской области). После развода отец не виделся с сыном, и воспитывал его дядя, который всячески поощрял любовь племянника к искусству и словесности. Дядя написал для него повесть «Черная курица, или Подземные жители», в которой главный герой, мальчик Алеша, попадает в волшебное подземное царство. Погорельский заботился об образовании племянника, оплачивал для него учителей. Уже в шесть лет Толстой писал и говорил на немецком, английском и французском языках.

В детстве он увлекся поэзией и вспоминал об этом позже: «С шестилетнего возраста я начал мараить бумагу и писать стихи – настолько поразили мое воображение некоторые произведения лучших поэтов, найденные мною в каком-то толстом, плохо отпечатанном и плохо сброшюрованном сборнике в обложке грязновато-красного цвета».

В 1826 году Антоний Погорельский с сестрой и племянником переехал в Санкт-Петербург. Он был знаком с поэтом Василием Жуковским, наставником цесаревича – будущего императора Александра II.

По протекции Жуковского Алексея Толстого представили наследнику престола, и он вошел в число детей, с которыми Александр играл по воскресеньям.

Их было девятнадцать – девять мальчиков и десять девочек, отобранных из лучших семей империи для товарищеских забав с цесаревичем. Они играли в оловянных солдатиков, в жмурки, горелки, а иногда боролись. Самым рослым и сильным был Толстой. Добродушный богатырь – это ампула он обживал десятилетиями.

Император Александр I очень сожалел, что Алеша равнодушен к государственной службе. А Толстой и впрямь немало сил приложил, чтобы, вопреки материнской воле, избавиться от служебной рутины, хотя долгое время ему «автоматом» шли чины и придворные звания, от камер-юнкера до действительного статского советника (соответствовавшего генерал-майору).

ПОЭТ, СВЕТСКИЙ ЩЕГОЛЬ И ЧИНОВНИК

В конце 1830-х годов Алексей Толстой поступил на службу: его причислили к Русской миссии в немецком городе Франкфурте-на-Майне. Назначение было формальным, он часто бывал в России или путешествовал по Европе. В 1840 году Толстой вернулся на родину, где поступил в чиновники и быстро продвигался по службе. В 1842-м его возвели в титулярные советники, а к 1846-му – в надворные советники. Толстой, однако, не слишком дорожил карьерой и хотел вовсе ее оставить – его больше увлекала литература. Он часто сочинял по ночам, писал стихи, но не считал нужным их публиковать.

Писатель Василий Инсарский, современник Толстого, в воспоминаниях описывал его как красивого молодого человека с белокурыми волосами, отмечал его физическую силу. Граф, как и многие юноши его возраста, любил балы и танцы, был щеголем и пользовался популярностью у женщин. Он посещал музыкальные и танцевальные вечера, бывал в опере, держал лошадей. Его шутки часто бывали резкими, а проделки оставались безнаказанными благодаря давнему знакомству с цесаревичем Александром. Толстой любил охотиться: именно поэтому на знаменитом портрете кисти Карла Брюллова граф запечатлен с ружьем и охотничьей сумкой.

СРЕДЬ ШУМНОГО БАЛА, СЛУЧАЙНО

Алексей Константинович Толстой был очень хорош собой: двухметровый русский богатырь, широк в плечах, подковы гнул с легкостью, медведя заламывал по молодости, демонстрируя удаль и силушку на охоте, гирю в два пуда легко забрасывал через флигель имения. Но такой вот силач робел под строгим взором матери, Анны Алексеевны, и всякий раз уступал ее железной воле. Рано расставшаяся с мужем, Анна Алексеевна не желала делить своего единственного красавца-сына ни с одной барышней на выданье и ревниво следила за тем, чтобы вовремя оборвать любые романтические отношения.

...И всё же, всё же, всё же чему быть – того не миновать!

В январе 1851 года таинственная незнакомка 24-летняя Софья Бахметьева прибыла на маскарад в петербургский Каменный театр, куда вместе с цесаревичем Александром явился граф Алексей Константинович Толстой.

Отделанный после пожара театр был ярко освещен газовыми светильниками. У подъезда стоят экипажи, внутри толчея – чёрные фраки, мундиры, бальные платья, щедро открывающие плечи дам, и море масок: венецианские, с птичьими клювами и кошачьими мордочками, грифоны, тигрицы...

Мужчины обходятся без масок, иное дело дамы: спрятав лицо, приличная женщина может позволить себе то, что в обычной жизни ей и в голову не придёт. Под маской может прятаться высокородная княгиня или её горничная: это придает маскараду особую прелесть. Цесаревич с Толстым входят в зал, и вокруг них сразу начинается клубиться толпа: наследника узнали, Александра увлекла за собой миниатюрная маска с нежным девичьим голоском.

Толстой вежливо отвечает на бойкие шутки других масок и осторожно пробирается за колонны, к стене, где не таклюдно. По пути он сталкивается с добрым знакомым, известным литератором И.С. Тургеневым.

Они успевают переброситься парой фраз, и тут к ним подходит высокая стройная маска и произносит какую-то банальность из числа тех, что обычно говорятся на маскараде. Спустя годы граф Толстой не мог вспомнить, что именно она ему сказала. Но голос заворожил – глубокий, мелодичный, с колдовскими переливами.

Тургенев тоже заинтригован – ведь кокетничает не с графом, а с ним, и если её лицо под стать голосу и фигуре, то его пытается очаровать богиня. Ещё несколько слов, и маска исчезла. Бал продолжается, к Толстому подходит весёлый раскрасневшийся цесаревич и что-то шепчет ему на ухо. Но Алексей его почти не слышит: из головы нейдёт дама в чёрной полумаске – назваться она отказалась, но взяла их визитные карточки...

Так кто же была та, чьи черты скрывала та самая полумаска?!

Это она – Софья Бахметьева, которая вроде и не отличалась красотой, зато блистала умом и эрудицией.

Встреча с Софьей Андреевной Миллер.

- На маскараде в петербургском Большом театре зимой 1851 года 33-летний камер-юнкер Алексей Толстой увидел незнакомку в чёрной полумаске – с тонким станом, звонким смехом, печальными глазами, что впоследствии стала любовью его жизни и женой.

Госпожа Бахметьева жила сильными страстями и любила острые впечатления. При этом была необыкновенно умна: в философском споре могла положить на обе лопатки университетского профессора.

Её удали дивились бывалые охотники: сидя в седле, Софья носилась за русаками через перелески и овраги, не боясь свернуть себе шею. Была

в ней и иная смелость: с бала Бахметьева могла открыто уехать вместе с пригласившимся кавалером.

По сравнению с мягким, деликатным и в свои 34 года всё ещё целомудренным графом Толстым Софья казалась существом с иной планеты. И он влюбился в неё с первого взгляда. В ту ночь Толстой написал свой стихотворный шедевр, которому и Пушкин с Лермонтовым могут вполне позавидовать:

*«Средь шумного бала, случайно,
В тревоге мирской суеты,
Тебя я увидел, но тайна
Твои покрывала черты.
Лишь очи печально глядели,
А голос так дивно звучал,
Как звон отдаленной свирели,
Как моря играющий вал.
Мне стан твой понравился тонкий
И весь твой задумчивый вид,
А смех твой, и грустный и звонкий,
С тех пор в моем сердце звучит.
В часы одинокие ночи
Люблю я, усталый, прилечь –
Я вижу печальные очи,
Я слышу веселую речь;
И грустно я так засыпаю,
И в грезах неведомых сплю...
Люблю ли тебя – я не знаю,
Но кажется мне, что люблю!»*

Послушаем романс на это стихотворение А.К. Толстого в исполнении Дмитрия Хворостовского:

<https://rutube.ru/video/8adffa16052e1754c430c69c3814d279/>

Софья казалась Толстому особенной. Порою ветреная, жившая страстями, она вскружила голову деликатному и воспитанному Алексею. После бала состоялась новая встреча. Софья рассказала о том, что ее брак со Львом Миллером давно приносит только страдания, но получить развод никак не получается. Писатель пообещал ждать любимую хоть всю жизнь и быть верным. Но вот сама Софи вначале не питала столь же сильных чувств к новому поклоннику.

А он продолжал мечтать о свадьбе с Софьей. Три года писатель провел в дороге. Жил то в Петербурге, то в Кривом Роге с матерью, то в Смолькове – имении Бахметьевых под нынешним Саранском в Мордовии. Ему приходилось преодолевать тысячи километров ради встреч с «женщиной всей своей жизни».

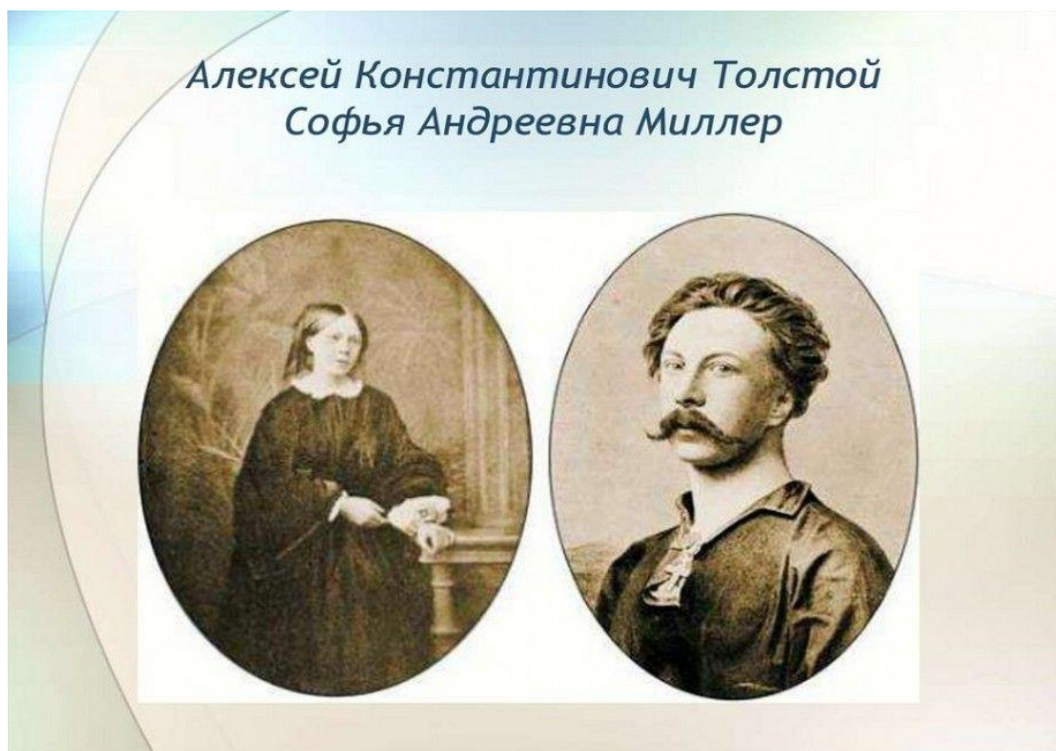
Но Софья тогда совсем не говорила ему о любви. Она словно ускользала от него: избегала объяснений, была рядом, но при этом вроде бы и не с ним. Толстой сходил с ума – он не понимал её. Для самой же Софьи это было обычным делом – она жила по собственным законам.

ТРЕТИЙ ЛИШНИЙ...

Алексей Константинович Толстой был совсем другим: деликатным, воспитанным, закрытым и молчаливым. Софья просто свела его с ума. Он все время ездил в ее мордовское Смольково, просил стать его женой, готов был бросить к ее ногам всю свою жизнь. Софья ничего похожего не чувствовала. К тому же всем известен был крутой характер матери Толстого, которая в каждой женщине видела потенциальную негодяйку, мечтающую украсть ее дорогого мальчика.

Да, Толстой обладал смелостью и огромной физической силой: заламывал на охоте медведя, перебрасывал двухпудовую гирю через флигель, гнул подковы. Но был абсолютно бессилен перед собственной матерью. Когда она узнала о появлении в жизни Алексея женщины, которой он безумно увлекся, вознегодовала и сделала все, чтобы не допустить этого брака. Придумывала болезни, лечилась за границей и настаивала на том, чтобы сын был рядом.

ПИСЬМА О ЛЮБВИ

С того момента – с того самого «шумного бала» почти вся любовная лирика Толстого посвящалась ей; в литературоведении адресованные Софье Андреевне стихи получили название «миллеровский цикл»:

С 1851 года, когда состоялось знакомство Толстого с Софьей Миллер, начинает формироваться этот цикл, в прологе которого прочно займёт своё место самое пронзительное стихотворение «Средь шумного бала, случайно...»

Шли годы, но единственная глубокая привязанность поэта не угасает:

*Минула страсть, и пыл её тревожный
Уже не мучит сердца моего.
Но разлюбить тебя мне невозможно,
Всё, что не ты, – так суетно и ложно,
Всё, что не ты, – бесцветно и мертво.*

...Несколько лет назад, в самом начале их знакомства, свою верность Софье Андреевне Толстой выразил в письме: «Ты мне говоришь, что я не смогу любить тебя так всегда. Я это знаю и сам; это не новость, это в порядке вещей, что такое восторженное возбуждение проходит; так оно есть и так должно быть. Цветок исчезает, но остаётся плод, остаётся растение; поверь мне, то, что останется, будет ещё достаточно прекрасно... Мы знаем, что любовь не есть вечное чувство. Но должно ли нас это пугать? Пойдём же смело навстречу, не заглядывая вперёд и не оглядываясь назад, или лучше будем смотреть вперёд, встретим лицом к лицу кроткую братскую дружбу, протягивающую к нам руки, и благословим Бога за то, что Он посылает ее нам... Я в гораздо большей мере – ты, чем – я сам».

Среди лирических произведений А.К. Толстого, образующих цикл, связанный с именем Софьи Андреевны Миллер, как крупный жемчуг в оправе более мелких драгоценностей, блистает стихотворение «Ты жертва жизненных тревог...».

В принципе, это одна из страничек лирического дневника-исповеди, запечатлевшего тяготы и невзгоды жизненной судьбы дорогого поэту человека:

*Ты жертва жизненных тревог,
И нет в тебе сопротивленья,
Ты, как оторванный листок,
Плывешь без воли по теченью;
Ты как на жниве сизый дым:
Откуда ветер ни повеет,
Он только стелется пред ним
И к облакам бежать не смеет;
Ты словно яблони цветы,
Когда их снег покрыл тяжелый:
Стряхнуть тоску не можешь ты,
И жизнь тебя погнула долу;
Ты как лощинка в вешний день:
Когда весь мир благоухает,
Соседних гор ложится тень*

*И ей одной цвести мешает;
И как с вершин бежит в нее
Снегов растаявшая гряда,
Так в сердце бедное твое
Стекает горе отовсюду!*

Почему так волнуют эти стихи? Они кажутся написанными с легкостью и непринужденностью импровизации – поэт не создавал их, они сами как будто ложились на бумагу. Сравнения, почерпнутые из мира природы, настолько просты и органичны, что не требуют от нас особого напряжения воображения. В самом деле, что может быть проще, чем уподобление любимого существа оторванному листку, плывущему «без воли по теченью», «сизому дыму» на жниве, стелющемся перед ветром и «не смеющему» бежать к облакам, яблоневым цветам, покрытым тяжелым снегом, лощинке, закрытой тенью соседних гор. И как итог – горе, стекающее «отовсюду» в сердце любимого друга, материализуется в метафоре растаявшая гряда снегов, бегущая в лощину с вершин. Пять строф – пять сравнений, сюжетно между собой не связанных. Это отдельные мазки, положенные на холст мастерской кистью художника. Или же разрозненные музыкальные аккорды. Но и мазки, и аккорды объединены общей эмоциональной окраской или тональностью.

ЛИЧНАЯ КРЫМСКАЯ ВОЙНА

В 1853-м Толстой решил принять участие в Крымской войне.

Три года Толстой метался между Петербургом, усадьбой Бахметьевых и поместьем Красный Рог, где его ждала мать. А когда началась Крымская война, и в Балтийское море вошёл англо-французский флот, граф Толстой вместе с приятелями, такими же храбрецами, как он сам, задумал снарядить на собственные деньги боевую шхуну. Он собирался вести охоту на английских и французских «купцов». Толстой начал подбирать команду и уже заказал в Туле винтовки, но затея пришлась не по душе военным властям.

Тогда он решил вступить в армию. Под Петербургом формировался стрелковый полк, куда набирали охотников-медвежатников из царских имений. Толстой и его родственники, братья Жемчужниковы, поступили туда на офицерские вакансии. Графу А.К. Толстому сразу дали чин майора и назначили ротным командиром. Стрелки щеголяли в меховых шапках, красных шёлковых рубашках и широких шароварах. Они прибыли в Крым после падения Севастополя, потом были расквартированы под Одессой.

А после началось то, о чём выжившие в битве вспоминали с ужасом: полк начал вымирать от тифа. Через месяц из полутора тысяч стрелков в строю осталась половина: Толстой держался дольше других, стараясь перебороть слабость, ухаживал за больными, но через несколько дней свалился в беспамятстве. Полковые врачи надежды на спасение не видели....

В разгар войны умер Николай I. Новым царём стал товарищ Толстого по детским играм, и о здоровье майора пеклось всё местное военное начальство. Александру II постоянно сообщали, как обстоят дела: больной бредит, пульс нитевидный, он никого не узнаёт.

Возможно, его спасли заботы медиков и богатырское здоровье, но Толстой был уверен, что выжил он благодаря Софье. Однажды, на секунду придя в сознание, граф увидел лицо склонившейся над ним Бахметьевой – и с этой минуты пошёл на поправку. Она кормила его с ложечки и умывала, опираясь на её плечо, Алексей заново учился ходить. Его всё так же завораживали её колдовской голос и отрешённый холодный взгляд больших серых глаз. Софья в эти дни писала матери, что более близкого друга у неё нет – в это трудно поверить, но со временем его чувство к ней крепнет. Именно тогда в душе этой необыкновенной дамы поселилось глубокое чувство.

Софья Андреевна Миллер

Однако сначала о браке не могло быть и речи: ротмистр Миллер и слышать не хотел о разводе. Но прошло некоторое время, и Бахметьева добилась развода с ним....

Наступил мир. Александр II назначил Толстого флигель-адъютантом. Его ждала высокая должность – да и могло ли быть иначе, если граф был завсегдаем малых дворцовых приёмов, на охотах стоял рядом с царём, а императрица за глаза звала его Алёшей? Проблема в том, что сам он этого

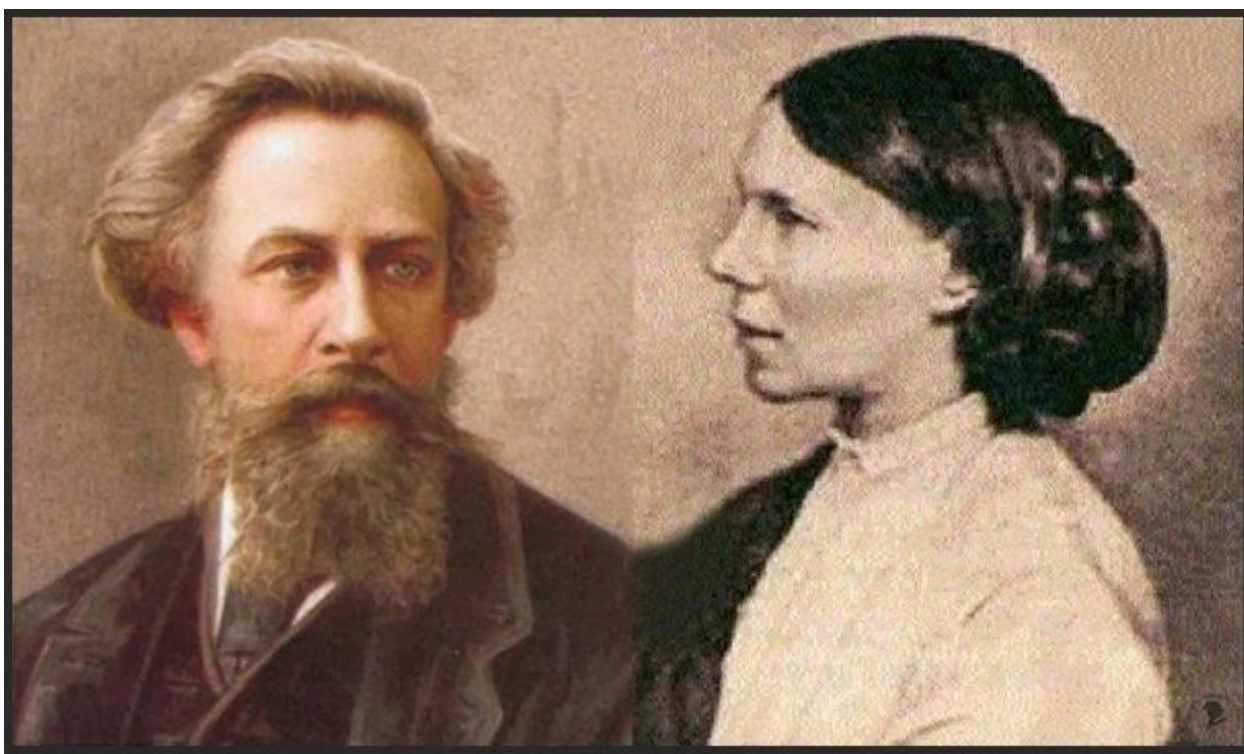
совершенно не желал. Толстой мечтал о писательстве и считал, что придворные обязанности отнимают слишком много времени.

К этому моменту он стал наследником двоих своих дядюшек, и в его руках оказалась немалая часть состояния Разумовских: огромные имения, десятки тысяч десятин земли и тысячи крепостных, дворцы, полные картин и мраморных статуй.

А потом случилось то, чего все ждали, но о чём он боялся думать: скончалась его мать. О трагедии известили графа Константина Петровича, и возле её гроба Алексей, наконец, познакомился с отцом. Родитель оказался славным человеком: добрым и слегка нелепым. К этому времени он раздал всё своё небольшое состояние родственникам и жил один в полной богословских книг квартирке.

Теперь майор, флигель-адъютант его величества граф Алексей Толстой был вполне свободен. Он хотел быть рядом с Софьей, мечтал писать и жить на свободе.

ВМЕСТЕ НАВСЕГДА

Что она сделала первым делом – заставила его отказаться от карьеры дипломата. Он не хотел служить, хотел заниматься только писательством, но для графа это считалось моветоном. Софья изумлялась: какая разница, что будут говорить? Главное, чего хочешь тебе!

Они поселились в имении Толстого в Красном Роге. Алексей Константинович писал книги. Он был абсолютно счастлив.

«Бедное дитя, с тех пор, как ты брошена в жизнь, ты знала только бури и грозы... Мне тяжело даже слушать музыку без тебя. Я будто через неё сближаюсь с тобой!» – писал он жене.

После долгожданного развода влюбленные обвенчались в Дрездене в 1863 году, и Софья Андреевна Миллер стала графиней Софьей Андреевной Толстой. Под этим именем она вошла в историю литературного XIX века, хотя надо заметить, что её в дальнейшем будет всегда отодвигать в тень полное совпадение имен с младшей Софьей Андреевной, знаменитой супругой Льва Николаевича Толстого и хозяйкой Ясной Поляны.

Отныне Софья Андреевна станет его первым читателем и первым критиком, порой строжайшим, а подчас и не всегда справедливым. По характеру она – антипод восторженному и открытому Алексею Константиновичу, которого всегда называла Толстым. Высокого, и не без оснований, мнения о себе, самоуверенная, волевая, ироничная, сдержанная, для многих закрытая, она не признавала откровенностей в чувствах.

Многие письма Толстого к Софье Андреевне не менее поэтичны, чем сами стихи, посвященные ей в течение 25 лет: «Клянусь тебе, как я поклялся бы перед судилищем Господним, что люблю тебя всеми способностями, всеми мыслями, всеми движениями, всеми страданиями и радостями моей души. Прими эту любовь, какая она есть, не ищи её причины, не ищи ей названия, как врач ищет названия для болезни, не определяй ей места, не анализируй её. Бери её, какая она есть, бери не вникая, я не могу дать тебе ничего лучшего, я дал тебе всё, что у меня было самого драгоценного, ничего лучшего у меня нет...».

Мужа Софья любила и очень уважала.

ДВУХ СТАНОВ НЕ БОЕЦ

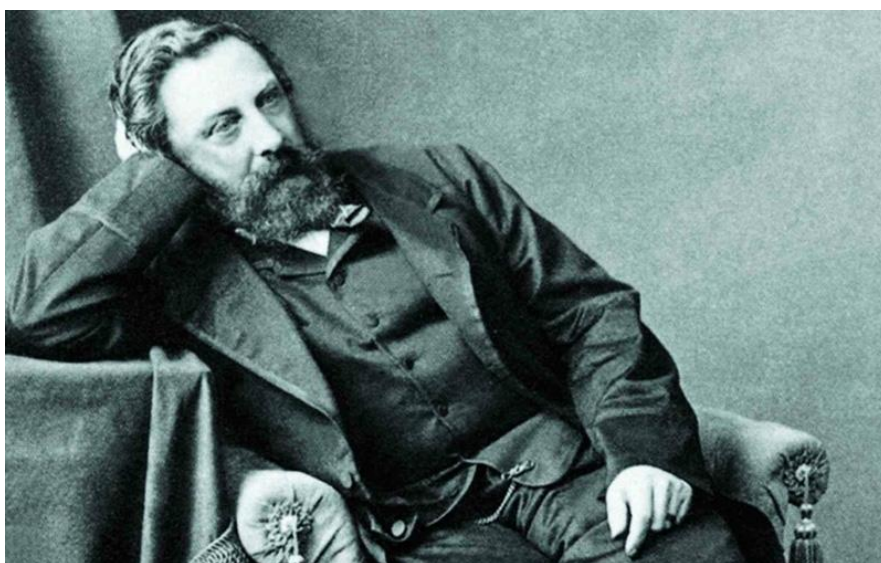
В течение всей своей жизни по политическим воззрениям он старался быть, как говорится, «над схваткой»...

Мы часто повторяем: «Гютчев – поэт, мыслитель, философ», но разве не до высоких философских и психологических вершин поднимается и А.К. Толстой в своём знаменитом стихотворении «Двух станов не боец»?!!

*Двух станов не боец, но только гость случайный,
За правду я бы рад поднять мой добрый меч,
Но спор с обоими – досель мой жребий тайный,
И к клятве ни один не мог меня привлечь;*

*Союза полного не будет между нами –
Не купленный никем, под чье б ни стал я знамя,
Пристрастной ревности друзей не в силах снести,
Я знамени врага отстаивал бы честь!*

В этом стихотворении А.К.Т. выразил свою позицию стороннего наблюдателя, не желающего примыкать ни к одной из противоборствующих партий. Он видел себя как независимого мыслителя, который критически оценивает события, происходящие вокруг, и не склонен к слепому следованию ни одной из сторон.

Толстой подчеркивал, что он не является бойцом ни одной из сторон, а скорее наблюдателем, способным оценить ситуацию с разных точек зрения. Он считал, что истина и здравый смысл не всегда находятся на стороне одной из противоборствующих партий, и поэтому предпочитал сохранять независимость своего мнения.

Из письма А.К. Толстого Б. Маркевичу сентябрь–октябрь 1871 года:

«...Если бы в пределах моих дарований я смог сделать что-то полезное, я не стал бы противиться, но дарования мои столь диаметрально противоположны дарованиям п е р е д о в ы х людей, что мне и приходится плевать на них. *Остаётся истинное, вечное, абсолютное, не зависящее ни от какого столетия, ни от какого веяния, ни от каких мод, – и вот этому-то я всецело отдаюсь. Да здравствует абсолютное, т.е. да здравствует человечность и поэзия!*»

...А вот что наш А.К. Толстой сказал о нашем языке и нашей истории: «...И когда я думаю о красоте нашего языка, когда я думаю о красоте нашей истории до проклятых монголов..., мне хочется броситься на землю и

кататься в отчаянии от того, что мы сделали с талантами, данными нам Богом!»

И, наконец, вдумайтесь в такие толстовские стихотворные строки:
Из баллады «Змей Тугарин»:

*«Певец продолжает: «И время придёт,
Уступит наш хан христианам,
И снова подыметя русский народ,
И землю единый из вас соберёт,
Но сам же над ней станет ханом!
И в тереме будет сидеть он своём,
Подобен кумиру средь храма,
И будет он спины вам бить батожьём,
А вы ему стукать да стукать челом –
Ой, срама, ой, горькая срама!..»*

ПОЭТ «ЧИСТОГО ИСКУССТВА»

К середине XIX века в русской поэзии отчетливо обозначаются и, поляризуясь, развиваются два направления: демократическое и так называемое «чистое искусство». «Чистое искусство, или «искусство для искусства» – это условное название ряда эстетических представлений и концепций, общий внешний признак которых – утверждение самоценности художественного творчества, независимости искусства от политики, общественных требований.

К так называемой школе «чистого искусства» современники причисляли Ф.И. Тютчева, А.А. Фета, А.К. Толстого, Я.П. Полонского, А.Н. Апухтина и ряд других поэтов.

Ну, а в эпоху СССР этому течению ставили в вину противопоставление реальной действительности свободному миру поэтической мечты, сосредоточенность на изображении внутреннего мира человека, погруженность в глубины духа, напряженный интерес к страстям, тайнам души человеческой, тяга к интуитивному и бессознательному, повышенное внимание к единичному, неповторимому в человеке.

С этим самым «чистым – нечистым искусством» я лично столкнулся когда-то на заре своей преподавательской карьеры!

В студенческие годы я очень любил стихи трёх представителей так называемого «чистого искусства»: Ф.И. Тютчева, А.К. Толстого, А.А. Фета. И недаром защитил на отлично курсовые по творчеству двух первых у тогдашнего профессора Смоленского госуниверситета Виктора Ильина.

Иным делом оказалось послевузовское преподавание литературы в одной из брянских школ советской эпохи. Когда я попытался хотя бы один час из школьной программы отвести на рассказ о творчестве А.К. Толстого, завуч вызвала меня после того злополучного урока к себе в кабинет и строго отчитала: «Как же так! Как вы посмели рассказывать детям о поэте «чистого искусства» – А.К. Толстом! Да ведь он же был графом! Помещиком! Угнетателем простого крестьянства!.. У нас нет и никогда не будет его в школьной программе, нужно изучать не его, а Некрасова – поэта-демократа!»

ПОСЛЕДНЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

С середины 60-х годов ухудшилось здоровье Толстого, и он большую часть времени стал жить зимой на курортах Италии и Южной Франции, а лето проводил в своих русских имениях – Пустыньке на берегу реки Тосны под Петербургом и Красном Роге Мглинского уезда Черниговской губернии (ныне Брянская область), близ города Почепа.

И хотя он ежегодно ездил за границу лечиться, это помогало лишь ненадолго. Он стал жестоко страдать от мигрени, астмы, грудной жабы – стенокардии, невралгии. Богатырская сила таяла, граф жаловался на одышку, на непрекращающиеся сутками головные боли.

Не помогали ни выписанные дорогими врачами лекарства, ни поездки в Германию на воды. Облегчение приносил только присоветованный докторами морфий: он делал себе инъекцию, и боль уходила.

В полузабытьи после оставившей его на некоторое мигрени граф Толстой вспоминал детство, Зимний дворец, игры с будущим императором. Вспоминал скромный московский дом на Новой Басманной, где жила его бабушка: когда он был ребёнком, в саду паслась стреноженная лошадь, рядом у пруда гулял ручной журавль. Теперь дом принадлежал фабриканту-текстильщику Семёну Алексееву. Сад купец разделил на участки и распродал, а особняк собирается перестроить под торговые ряды...

А.К.Т. присылал из-за границы Софье Андреевне удивительно тёплые, полные любви письма: «Дрезден, 10 июля 1870 года. Вот я здесь опять, и мне тяжело на сердце, когда вижу опять эти улицы, эту гостиницу и эту комнату без тебя. Я только что приехал в 3 1/4 ч. утра, и не могу лечь, не сказав тебе то, что говорю тебе уже 20 лет, что я не могу жить без тебя, что ты мое единственное сокровище на земле, и я плачу над этим письмом, как плакал 20 лет тому назад. Кровь застывает в сердце при одной мысли, что я могу тебя потерять, и я себе говорю: как ужасно глупо расставаться! Думая о

тебе, я в твоём образе не вижу ни одной тени, ни одной, всё – лишь свет и счастье...»

И следующее: «Дрезден, 25 июля 1871 года.

...Мне очень грустно и очень скучно, и глуп я был, что думал, что будет здесь приятно. Если б у меня был Бог знает какой успех литературный, если б мне где-нибудь на площади поставили статую, все это не стоило бы четверти часа – быть с тобой, и держать твою руку, и видеть твоё милое, доброе лицо! Что бы со мной было, если б ты умерла? А все-таки пусть лучше я после тебя умру, потому что я не хочу, чтоб тебе было тяжело после меня... И тяжело слушать музыку без тебя; я будто через нее сближаюсь с тобой!»

В 1866–1870 годах Алексей Константинович опубликовал свою сразу ставшую знаменитой историческую трилогию, состоящую из трагедии «Смерть Иоанна Грозного», «Царь Фёдор Иоаннович», «Царь Борис».

В 1874 году, посылая свою автобиографию итальянскому журналисту А. Губернатису, Толстой так резюмировал свое положение в литературе: «...Могу сказать не без удовольствия, что представляю собою пугало для наших демократов-социалистов и в то же время являюсь любимцем народа, покровителями которого они себя считают. Любопытен, кроме всего прочего, тот факт, что в то время, как журналы клеймят меня именем ретрограда, власти считают меня революционером».

Ровно за год до смерти, в сентябре 1874 года, он, словно подводя итоги жизни, сам себя спрашивал:

*Певец, державший стяг во имя красоты,
Проверь, усердно ли ее святое семя
Ты в борозды бросал, оставленные всеми,
По совести ль тобой задача свершена?
И жатва дней твоих обильна иль скудна?*

На этот вопрос мы с полной откровенностью и убежденностью можем ответить: по совести!

Тончайший лирик и создатель эпических баллад; романист и драматург; автор нежнейших романсов и язвительнейший сатирик; мистификатор – но всегда искатель правды, не квасной или казенный, но подлинный патриот России – сколько поводов для постоянного цитирования из А.К.Т!

А теперь вспомним еще раз не только о духовной, но и о физической мощи А.К.Т.

«Алексей Толстой был необыкновенной силы: он гнул подковы, и у меня, между прочим, долго сохранялась серебряная вилка, из которой не

только ручку, но и отдельно каждый зуб он скрутил винтом своими пальцами», – так писал Александр Васильевич Мещерский, приятель Алексея Константиновича в молодые годы.

Но вот минули годы, и всё, к сожалению, сильно изменилось в худшую сторону.

Ещё несколько лет назад замечательный поэт Афанасий Фет, гостивший в имении Толстого, теперь, в начале 1875 года, был удивлён переменами в друге. Лицо Алексея Константиновича было багровым от прилива крови к голове. Спасаясь от головной боли, он старался побольше гулять, но это мало помогало.

Ему легко дышалось только в сосновом бору. В комнате, где он спал, стояли сосновые кадки с водой. От невыносимых приступов головной боли доктора всё также рекомендовали ему морфий...

Писатель Болеслав Маркевич так вспоминал о страданиях Толстого: «Человек живет только с помощью морфия, и морфий в то же время подтачивает ему жизнь – вот тот заколдованный круг, из которого он уже больше выйти не может. Я присутствовал при отравлении его морфием, от которого его едва спасли, и теперь опять начинается это отравление, потому что иначе он был бы задушен астмой».

Софья Андреевна беспокоилась, просила хотя бы не повышать дозу, но тут он ее уже не слушал. Она просила быть осторожнее, внимательнее отмерять дозы морфия – это опасная вещь, ошибившись, можно уснуть и не проснуться. Но Толстой только отшучивался: вечный сон не страшнее постоянной головной боли.

Последние слова, которые сказал Алексей Константинович окружающим, удаляясь в свой кабинет 28 сентября (10 октября) 1875 г.:

– Как я себя хорошо чувствую!

После временного улучшения, когда он ушел к себе в кабинет, случилось резкое обострение болей. Желая избавиться от них поскорее, писатель вколол себе смертельную дозу лекарства, поскольку так рассчитывал избавиться от мучительного состояния. Но точные допустимые разовые объемы уколов морфия в те годы были еще не установлены. Укол был сделан в сильнейшей спешке, боль действительно прошла – навсегда. С собой она забрала и самого Алексея Константиновича...

...Софья Андреевна не смогла его разбудить. Вбежавшие на её крик домашние поразились тому, какое счастливое и умиротворённое лицо было у полулежавшего в кресле графа. Ему было не так много лет – всего 58. Для сравнения: Алексей Николаевич Толстой прожил 62 года, я уже не говорю про Льва Николаевича Толстого, которому судьба отвела целых 82!

Всё это произошло в его любимом имении Красный Рог в Брянской области, где теперь и находится музей-усадьба Алексея Толстого. Там же расположена часовня-усыпальница, где похоронен А.К. Толстой. Каменный склеп был сооружён в 1875 году женой поэта Софьей Андреевной Толстой. Алексей Константинович наказывал, чтобы его похоронили в дубовом гробу, но когда из Брянска привезли заказанный, оказалось, что он мал для богатырского тела. Сколотили сосновый и похоронили на сельском кладбище возле Успенской церкви, она сохранилась до сих пор. Впоследствии прибыл из Парижа металлический саркофаг, в который поместили сосновый гроб... Душа поэта улетела в пожелтевший сад, в любимые с детства аллеи, чтобы навеки слиться с природой...

Часовня-усыпальница

Умер А.К. Толстой
в с. Красный Рог
в 1875 г., где и
похоронен.

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Литературное наследие Толстой без всяких оговорок завещал Софье Андреевне. Как известно, она имела феноменальную память, владела четырнадцатью языками, обладала энциклопедическими знаниями и литературным вкусом, блистала мастерским переводом...

После его смерти Софья занималась творческим наследием мужа, издавала сочинения А.К.Т. Она устроила литературный салон, где собиралась вся петербургская знать, там подружилась с Достоевским, который очень дорожил ее мнением о своих произведениях. Вдова А.К.Т. много путешествовала, но заболела в Лиссабоне и умерла там в возрасте 68 лет в 1895 году, т.е. пережила мужа на целых 20 лет.

Еще при жизни Софья предусмотрела, чтобы после смерти её похоронили рядом с мужем, в их имении...

Усадьба А.К. Толстого в с. Красный Рог Почепского района.
Усыпальница А.К. и С.А. Толстых

О Софье Андреевне Толстой после её кончины многие годы ходили различные споры и пересуды. Оставим их на совести иных борзописцев, а в её защиту просто приведём строки из стихотворения, которое ей также посвятил Алексей Константинович Толстой:

*«Сестра моей души! С улыбкою участия
Твой тихий кроткий лик склоняется ко мне.
И я, исполненный мучительного счастья,
Любящий чую взор в тревожном полусне...*

По-моему, этими строками всё сказано об их любви...

Творческое наследие А.К. Толстого не слишком велико: вместе с детскими дневниками и письмами – четыре тома. Однако оно очень разнообразно: лирические и сатирические стихотворения, баллады, пять романтических поэм и повестей в стихах, пять стихотворных пьес, исторический роман, несколько повестей в прозе. Судьба этих произведений различна. Самое, пожалуй, известное из них, дожившее до наших дней, – роман из эпохи Ивана Грозного «Князь Серебряный». Он признан одним из лучших русских исторических романов.

СТО ПЯТЬДЕСЯТ РОМАНСОВ!

Толстого любят и читают в наше время, потому что произведения его исполнены глубокого смысла, отвечающего и нашим мыслям и чувствам. И еще потому, что он, не переносивший скуки в литературе, писал всегда интересно. Его баллады остаются непревзойденными. Его трагедии всякий раз, когда их ставят, оказываются событием в театральной жизни. Его лирические стихотворения никогда не переставали звучать со сцены в исполнении лучших певцов и декламаторов. П.И. Чайковский писал: «А. Толстой – неисчерпаемый источник текстов под музыку; это один из самых симпатичных мне поэтов».

И так думал не он один. Около ста пятидесяти его произведений положено на музыку (!!!). И вот внушительный список композиторов, увлекавшихся творчеством нашего Толстого: Ф. Лист, А.К. Лядов Н.А., Римский-Корсаков, А. Г. Рубинштейн, А.С. Аренский, М.П. Мусоргский, Ц.А. Кюи, М.А. Балакирев, А.Т. Гречанинов, С.В. Рахманинов, Н.М. Стрельников, Б.В. Асафьев, М.М. Ипполитов-Иванов, В.С. Калинников, Р.М. Глиэр.

До сих пор на подмостках многих российских театров идет его пьеса «Царь Борис» – одна из вершин отечественной драматургии.

Устойчив успех сатирических и юмористических стихотворений А. Толстого – таких, как «Вонзил кинжал убийца нечестивый...» (1860?), «История государства Российского от Гостомысла до Тимашева» (1868), «Сон Попова» (1873). Они еще при жизни автора ходили в бесчисленных нелегальных списках и превратились в интеллигентский фольклор.

О «Сне Попова» Алексей Толстой признавался: «...Я потерял счет всем спискам, которые с него сняты». Даже в наше время, более столетия спустя, эти стихотворения остались популярными – их обессмертили блестящее и легкое остроумие, сатирическая яркость, не померкшая ни от времени, ни от смены политических режимов замечательная стихотворная техника. Сатира Алексея Толстого оказалась необычайно актуальной много десятилетий спустя, когда тысячам арестованных приходилось давать фантастические показания и придумывать списки сообщников. То, о чем Толстой написал с игривым озорством, оказалось совсем невесело...

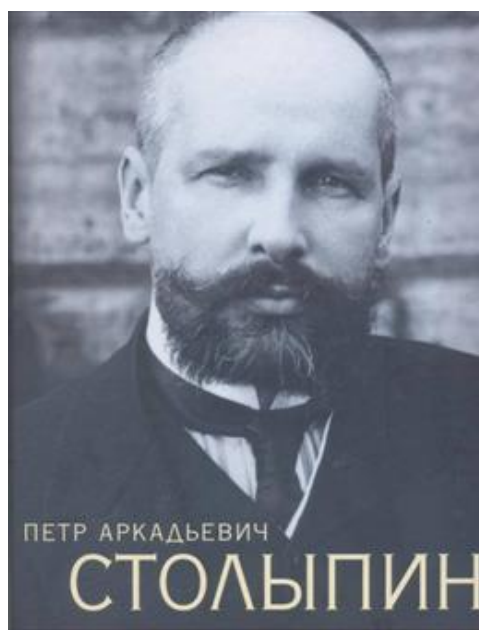
ЗНАЧЕНИЕ А.К. ТОЛСТОГО

Замечательно, что увлекались А.К. Толстым такие непохожие на него поэты, как Блок, Брюсов и Маяковский, который знал его стихотворения «наизусть, от доски до доски».

...И если поэтом-символистом в полном (позднем) смысле этого слова А.К. Толстого назвать невозможно, то нельзя не обратить внимание на суждение известного лирика Иннокентия Анненского, который писал об «особенном музыкальном колорите, который был так дивно и так сжато передан графом А.К. Толстым в известном и пока чуть ли не единственном перле нашей символической поэзии: «Он водил по струнам, упали волосы на безумные очи».

Это было сказано критиком в 1898 году, когда только начинался поэт Александр Блок, еще мелодекламировавший стихи А.К. Толстого: «В стране лучей, незримой нашим взорам, вокруг миров вращаются миры...» – и читавший в петербургских гостиных монолог Дон-Жуана А.К.Т., Блок, которому суждено было стать лучшим, первейшим по значению поэтом-символистом, вобравшим в себя опыт и духовные стремления своих предшественников.

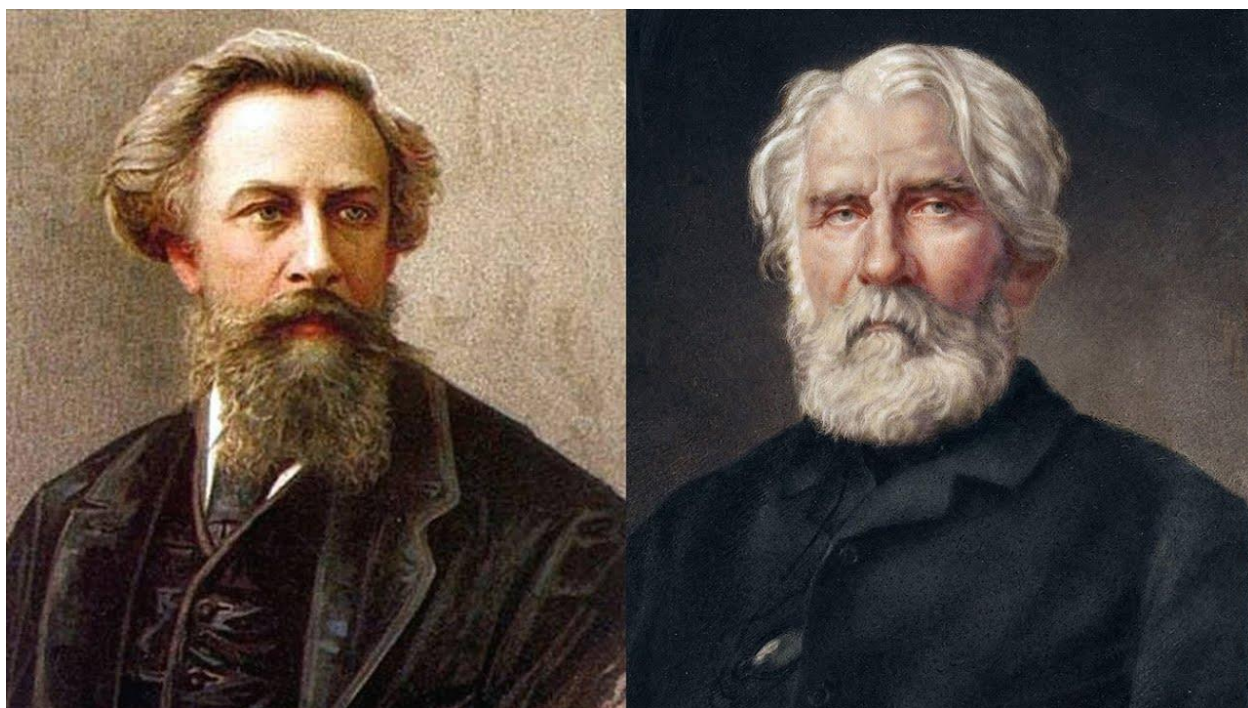
И вот ещё такой знаменательный факт: стихи А.К.Т. любили не только литераторы, но и знаменитые государственные деятели разных эпох.

Допустим, у Пётра Аркадьевича Столыпина – знаменитого председателя Совета министров Российской империи (1906–1911) А.К.Т. был одним из самых любимых поэтов, он часто повторял такие толстовские строки:

*...Но не грусти, земное минет горе,
Пожди еще, неволя недолга –
В одну любовь мы все сольёмся вскоре,
В одну любовь, широкую, как море,
Что не вместят земные берега!*

Пожалуй, лучше всех оценил значение А.К.Т. как первостепенного литератора и замечательного человека великий русский писатель И.С. Тургенев.

Вот несколько выдержек из его письма редактору «Европейского вестника» М.М. Стасюлевичу по поводу смерти графа А.К. Толстого:

«...Положение Толстого в обществе, его связи открывали ему широкий путь ко всему тому, что так ценится большинством людей; но он остался верен своему призванию – поэзии, литературе; он не мог быть ничем иным, как только именно тем, чем создала его природа; он имел все качества, свойства литератора в лучшем значении слова.

Он оставил в наследство своим соотечественникам прекрасные образцы драм, романов, лирических стихотворений, которые – в течение долгих лет – стыдно будет не знать всякому образованному русскому; он был создателем нового у нас литературного рода – исторической баллады, легенды. Наконец – и как бы в подтверждение сказанного выше о многосторонности его дарования – кто же не знает, что в его строго идеальной и стройной натуре была свежим ключом струя неподдельного юмора – и что граф А.К. Толстой, автор «Смерти Иоанна Грозного» и «Князя Серебряного», был в то же время одним из творцов памятного всем «Козьмы Пруткова»?

Вот поэт, которого мы лишились и который, при теперешнем направлении умов, едва ли скоро будет заменен.

...Все́м, знавшим его, хорошо известно, какая это была душа, честная, правдивая, доступная всяким добрым чувствам, готовая на жертвы, преданная до нежности, неизменно верная и прямая. «Рыцарская натура» – это выражение почти неизбежно приходило всем на уста при одной мысли о Толстом; я бы позволил себе употребить другой – в наше время несколько заподозренный, но прекрасный и в данном случае самый уместный – эпитет. Натура гуманная, глубоко гуманная! – Вот что был Толстой, и как у всякого истинного поэта, жизнь которого неуклонно переливается в его творчество, эта гуманная натура Толстого сквозит и дышит во всем, что он написал.

Мир праху твоему, незабвенный русский человек и русский поэт!..

Преданный вам Ив. Тургенев 1875

Буживаль (возле Парижа), 5(17) октября 1875».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

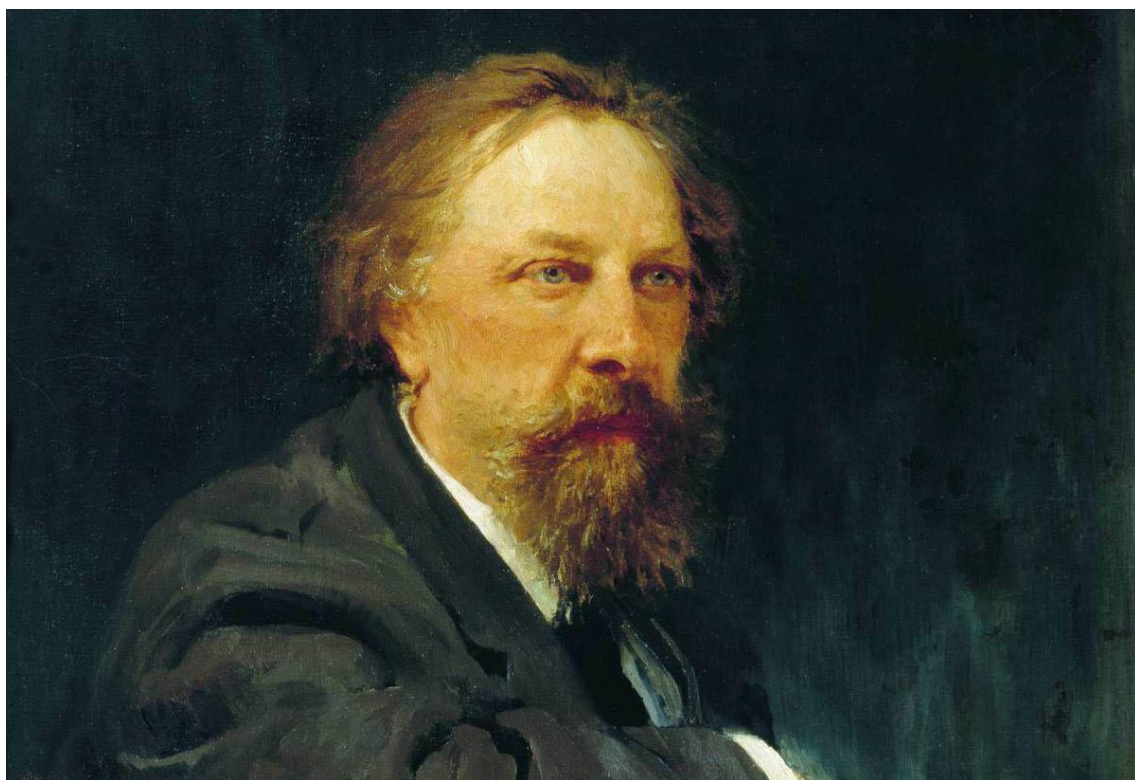
Гимном земной красоте и свободному человеческому духу, который она питает, является отрывок из поэмы А.К. Толстого «Иоанн Дамаскин» – «Благословляю вас, леса...»:

*Благословляю вас, леса,
Долины, нивы, горы, воды!
Благословляю я свободу
И голубые небеса!
И посох мой благословляю
И эту бедную суму.
И степь от краю и до краю,
И солнца свет, и ночи тьму,
И одинокую тропинку,
По коей, нищий, я иду,
И в поле каждую былинку,
И в небе каждую звезду!
О, если б мог всю жизнь смешать я,
Всю душу вместе с вами слить!
О, если б мог в свои объятья
Я вас, враги, друзья и братья,
И всю природу заключить!*

...Его не стало 10 октября 1875 года, то есть ровно 150 лет назад! И в этот день только 10 октября 2025 года, приведя своих очередных туристов в наш любимый Брянский парк-музей имени А.К. Толстого, я закончу своё

повествование о нём его бессмертными строками «Средь шумного бала,
случайно...».

Строками, которые переживут века!

**С вами снова был ведущий авторской рубрики
«Поэзия – вся! – езда в незнаемое» Михаил Лиознов.**